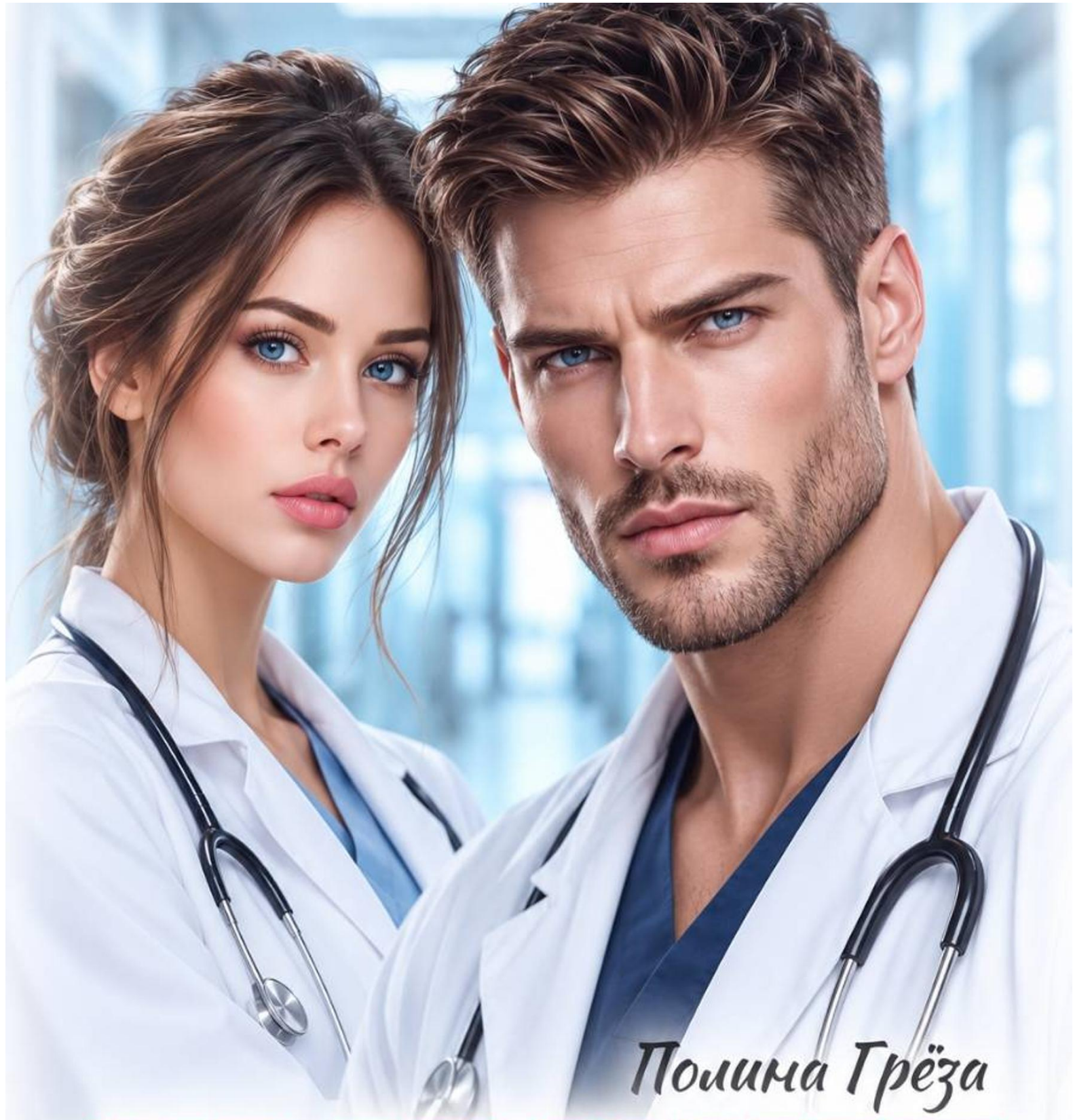

Полина Грёза

БЫВШИЕ

*Диагноз: **разлука.***

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Полина Грёза

Бывшие. Диагноз: разлука

«Автор»

2026

Грёза П.

Бывшие. Диагноз: разлука / П. Грёза — «Автор», 2026

— Ты пустоцвет, Лиза. Не жена, не мать, не хозяйка. Как жила, так и живешь в своей реанимации! И ребенок тебе вообще не нужен! Пять лет я тщетно пыталась забеременеть при нормальных анализах. Пять лет муж обещал сходить наконец к андрологу. А потом просто ушел к беременной любовнице, обвинив меня во всех смертных грехах. Я думала, хуже уже не будет. Но в мою жизнь внезапно возвращается он. Мужчина, после разлуки с которым я склеивала себя по кусочкам. Шесть лет назад он разбил мне сердце и уехал в Москву делать карьеру. Теперь он мой новый начальник и снова решает, как мне жить, не интересуясь моим мнением. Я не прощу его никогда. Но что, если все эти годы он скрывал правду, которая страшнее любого предательства?

© Грёза П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бывшие. Диагноз-разлука	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Полина Грёза

Бывшие. Диагноз: разлука

Бывшие. Диагноз-разлука

Глава 1

Самое страшное в жизни — вовсе не смерть. Уж поверьте врачу-реаниматологу. Смерть я видела сотни раз. Мы с ней давние коллеги по ночным сменам.

Куда страшнее одна полоска на тесте. Тонкая, бледно-розовая, равнодушная. Ей абсолютно до одного места, что я чувствую, когда на нее смотрю.

Сижу на кафельном бортике ванны и гипнотизирую дурацкий кусок пластика. Минуту, две, пять. Может, вторая полоска все-таки сжалится? Проступит хотя бы схематично?

Но нет. Чуда не случается. Как и в прошлом месяце, как и в позапрошлом...

Я тщетно пытаюсь забеременеть уже пять лет. Шестьдесят месяцев разочарований. Десятки бездарно загубленных тестов и медленно растворяющаяся в воздухе надежда.

Глаза предательски щиплет, но я запрещаю себе реветь.

«Ничего страшного, Лиза. В этот раз просто не повезло. Зато в следующем месяце точно получится», — повторяю привычную мантру и не глядя бросаю тест в мусорное ведро. Попадаю с первого раза. Хотя что-то у меня получается играючи...

Смагиваю злые слезы и слышу, как в прихожей сухо щелкает замок. Кто там? Олег?

Куда это он собрался? Натягиваю на лицо дежурную улыбку, выхожу... и замираю на месте.

Муж стоит посреди коридора в куртке и уличных ботинках. У его ног громоздится наш синий чемодан — тот самый, с которым мы летали в Турцию.

Пока я пять минут гипнотизировала тест, он успел собрать вещи.

Сердце замирает в недобром предчувствии.

— Что, срочная командировка? — уточняю я.

— Нет, Лиза, — голос Олега звучит пугающе спокойно. — Я ухожу.

— Как уходишь? Куда?

— К Эвелине.

Эвелина. Тягучее, сладкое имя. Звучит как название какого-то лекарства.

— Кто это? — спрашиваю чужим голосом.

— Администратор в моем фитнес-клубе.

Фитнес-клуб, конечно. Последние полгода он просто не вылезал оттуда. А я, дура, радовалась: надо же, муж за здоровье взялся, пресс качает.

В памяти мгновенно всплывает девица с ресепшена. Идеальный платиновый блонд, ресницы, похожие на крылья бабочки, бесконечные ноги, соблазнительная попка...

И снисходительно-брезгливый взгляд, которым она всегда меня провожала, а я не понимала почему. Теперь понимаю...

Невольно кошусь в зеркало. Оттуда на меня смотрит измученная женщина неопределенного возраста с небрежным пучком. Венчают образ растянутая домашняя футболка и дурацкие носки с котиками. Да уж. Эвелине я явно не конкурент.

— Она беременна, — добивает меня Олег. — Двадцать недель.

Слова любимого бьют под дых. Дурацкая привычка все подсчитывать делает свое черное дело.

Двадцать недель. Значит, минимум полгода он врал мне, глядя в глаза. Ел приготовленные мной ужины, просыпался со мной в одной постели. Сочувственно кивал, когда я приносила рекламки очередной клиники репродукции.

От осознания всего этого становится трудно дышать.

— Но... как же... мы же...

— Давай без истерик, Лиз, — раздраженно морщится он. — Ты сама во всем виновата. Пять лет кормишь меня обещаниями меньше дежурить и начать наконец лечиться. А в итоге что? Как жила, так и живешь в своей реанимации! Ты замужем не за мной, а за работой! И ребенок тебе вообще не нужен! Ты променяла его на своих полужмуриков на аппаратах!

Каждое слово — раскаленная игла под кожу.

— Зачем ты так говоришь? — шепчу одними губами.

— Потому что это правда! — жестко рубит он. — Я устал, Лиза. Я хочу нормальную семью. Жену, которая встречает меня приготовленным ужином, а не дрыхнет после нескольких смен подряд. Детей. Сейчас хочу, а не в необозримом будущем! Посмотри на себя, Лиза, ты же не женщина. Ты ломовая лошадь, которой нравится тащить на себе непосильный груз! Ты не жена, не мать, не хозяйка... Ты пустоцвет, Лиза. Не выполнивший свое женское предназначение.

Пустоцвет, значит... Это слово входит в незащищенное брюхо легко, как отточенный скальпель. Дыхание перехватывает, но я заставляю себя сделать глубокий вдох.

— Мои анализы в норме, Олег, — отвечаю глухим голосом. — Я пересдаю их каждые полгода. А вот ты к андрологу за все время так и не дошел.

Он на секунду замирает, но затем снисходительно усмехается.

— Все в порядке с моими анализами. И беременность Эвелины тому доказательство.

А вот тут мне крыть нечем. Остается лишь собрать волю в кулак и постараться не разреваться при нем.

Олег берет чемодан, делает шаг к двери, но вдруг останавливается.

— Ах да. Чуть не забыл.

Разворачивается и прямо в уличной обуви топает на кухню. Обратно выходит, обнимая нашу кофемашину. Черный провод волочится по полу, как крысиный хвост.

— Ее купил я, поэтому забираю.

Смотрю на него, открыв рот. Сюр какой-то. Мой муж уходит к беременной любовнице и уносит с собой кофемашину. Хорошо хоть туалетную бумагу не унес...

— Насчет раздела квартиры тебе позвонит мой юрист, — бросает он уже с порога.

Дверь хлопает, утробно гудит лифт. А на меня обрушивается звенящая, оглушительная тишина.

Медленно сползаю по стене на пол.

Вот и все. Конец пяти годам моей семейной жизни. В свои тридцать два я снова одна. Как та одинокая полоска на отрицательном тесте...

Спустя сорок минут рыдаю на тесной кухне у единственной подруги, Арины. Она то и дело шикает на меня, потому что в соседней комнате сопит ее трехлетний сын Тимошка.

На столе стынет заказанная пицца, в бокалах искрятся пузырьки. Говорим полупшепотом.

— Какой же он все-таки козел! — шипит Арина, выслушав мой сбивчивый рассказ. — Хотя нет, козла жалко. От него хоть минимальная польза есть.

— Он забрал кофемашину, Ариш, представляешь?

— Чего?! — ее глаза округляются до размеров блюдца.

— Сказал, что сам ее покупал.

Подруга прячет лицо в ладонях, и ее плечи начинают мелко трястись. Она смеется! Спустя мгновение меня тоже прорывает.

Хохочем до слез, до болезненных спазмов в животе, зажимая рты руками, чтобы не разбудить Тимофея.

И это самое эффективное лекарство. Уж точно лучше, чем в одиночестве быть в подушку. Отсмеявшись и вытерев слезы, набираю номер ординаторской.

— Света, это Ковалева, — заявляю деловым тоном. — Свободные дежурства на месяц есть? Отлично. Беру все. Буду работать сутки через сутки.

Арина закашливается и ставит бокал на стол.

— Лиза, ты что творишь?

— А что такого-то? Труд облагораживает.

— Ты работу с каторгой не путай, — она сверлит меня взглядом. — Решила убиться и забыться? Только это не так просто, как кажется.

Не спорю. Смысл спорить с правдой?

Знаю одно: с нашей работой некогда жалеть себя. Надо спасать жизни. И мое собственное разбитое сердце пусть пока помолчит в тряпочку.

Следующие две недели я буквально сливаюсь с больничными стенами. Сплю урывками на продавленном диване в ординаторской, питаюсь больничной едой и тем, что Арина подсовывает мне в пластиковых контейнерах.

В пустую квартиру заскакиваю только переодеться и помыться. Там слишком тихо и не на чем приготовить мой любимый капучино.

Когда-нибудь я смирюсь с этим, привыкну и вернусь к нормальной жизни. Наверное.

А пока... труд облагораживает.

Понедельник. Восемь утра. Традиционная пятиминутка. Сiju в конференц-зале после тяжелейших суток, героическим усилием воли удерживая глаза открытыми.

Рядом Арина. В руке у меня бумажный стаканчик кофе из автомата, вкус которого напоминает жженую резину. Но это лучше, чем ничего.

Главный врач кидает на меня осуждающий взгляд, но делает вид, что не заметил. Знает, что дежурю через сутки.

Потом откашливается, поправляет очки на переносице и торжественно заявляет:

— Коллеги, как вы знаете, заведующий отделением анестезиологии-реанимации Юрий Виктор Степанович с сегодняшнего дня ушел на заслуженный отдых. Поэтому я рад представить вам нового руководителя данного подразделения.

Лениво зеваю и делаю глоток кофе. Не понимаю, зачем так пафосно. Лично мне абсолютно все равно, с кем работать, лишь бы мой график не трогали.

— Прошу любить и жаловать. Князев Дмитрий Андреевич, — объявляет главный врач, и глоток горячей жижи встает у меня поперек горла.

Чего?! Быть этого не может! Наверняка совпадение. Мало ли на свете Князевых?

Сейчас я подниму глаза и увижу лысеющего дядечку с гусарскими усами и внушительным брюшком...

Аккуратно, словно в замедленной съемке, поднимаю взгляд... И мое сердце совершает бешеное сальто.

Новый заведующий стоит у окна. Высокий, широкоплечий, в белоснежном халате, небрежно накинутом поверх черного свитера. Лицо выглядит слегка осунувшимся, под этой новомодной трехдневной небритостью. На висках легкая седина, которой и в помине не было шесть лет назад.

Ему, конечно, идет, но рановато как-то. Ведь Князеву всего тридцать восемь...

Но глаза остались прежними. Стальные, пронзительные, глядящие в самую душу. Когда-то я тонула в них без надежды на спасение...

Шесть лет назад этот мужчина разбил мне сердце. Прямо в мой день рождения. Я стояла перед ним как дура в новом красивом платье. С замысловато украшенным тортом, над которым колдовала полночи.

А он окинул меня равнодушным взглядом и заявил, что разлюбил. Вот так просто, без реверансов и «Извини, дело не в тебе». Просто воткнул нож в сердце и укатил в Москву. Делать карьеру, как все говорили.

Тогда я думала, что не выживу. Выйду в окно или закончу свои дни в психушке. Но человек — такая скотина, которая очень быстро ко всему привыкает.

Я научилась жить без него. По осколкам собрала себя заново и даже вышла замуж за Олега. Такого стабильного и надежного, как мне казалось. Поверила же в это, наивная.

Сейчас сижу, слушаю грохот пульса в висках и надеюсь, что Князев мне просто привиделся от недосыпа.

Трясу головой в попытке прогнать наваждение, протираю руками глаза и чувствую, как Арина тихонько пинает меня под столом. Сердце бьется о ребра раненой птицей.

Значит, все-таки не мерещится. Он абсолютно реален.

«А ну-ка успокойся, Лиза. Дыши глубже и думай о хорошем, — мысленно приказываю себе. — Шесть лет прошло. Ты его давно простила и отпустила. Тебе на него абсолютно все равно».

Князев тем временем неспешно обводит взглядом притихший зал. Заинтересованно скользит по лицам ординаторов, медсестер, задерживается на Арине... и в итоге останавливается на мне.

Зачем, спрашивается? В зале еще два десятка человек, но полное ощущение, что кроме нас двоих здесь больше никого нет.

— Здравствуй, Лиза, — разносится в звенящей тишине бархатный баритон. Тот самый, от которого у меня когда-то подгибались колени.

Глава 2

Всего лишь два слова, а в конференц-зале становится так тихо, что слышно, как сонная муха гудит под потолком.

Двадцать пар глаз одновременно поворачиваются в мою сторону. Кажется, вся больница затаила дыхание и ждет, что я отвечу.

Только я молчу. Потому что язык прилип к небу, а в голове абсолютно пусто. Как на прикроватном мониторе после остановки сердца. Тревожный писк и одна ровная линия.

— Доброе утро, Дмитрий Андреевич, — выдавливаю наконец.

Пусть знает: никакой Лизы здесь больше нет. Только врач анестезиолог-реаниматолог Ковалева Елизавета Сергеевна и никак иначе.

Главный врач несколько секунд озадаченно смотрит на нас поверх очков, но потом откашливается и переходит к сводке за выходные.

Не слышу ни слова. Гипнотизирую остывший кофе и чувствую на себе пристальный взгляд стальных глаз. Даже не поднимая головы, чувствую.

Пятиминутка тянется целую вечность. А когда наконец заканчивается, вылетаю из зала, как пробка из бутылки шампанского.

Сплетни у нас в коллективе распространяются быстрее внутрибольничной инфекции. Не успеваю дойти до поста, а за спиной уже шепчутся.

— Видела, как он на нее смотрел?

— А она? Белая вся стала...

— Говорят, у них что-то было...

Говорят, что кур доят. Стискиваю зубы и ускоряю шаг.

«Было и было. Сейчас мне на него все равно, — повторяю про себя, как заклинание. — Абсолютно, совершенно, стопроцентно все равно».

Жаль только, что глупое сердце с этим категорически не согласено.

— Лиза! Да постой ты!

Арина догоняет меня у поста и хватает за локоть. Рыжая коса растрепалась, на щеках румянец. Даже в мешковатой медицинской форме она выглядит так, будто сошла с обложки глянцевого журнала.

Пока она бежала за мной по коридору, пожилой хирург Семеныч дважды обернулся ей вслед и чуть не врезался в каталку.

Арина на такие вещи внимания не обращает. Говорит, у нее иммунитет.

— Ты как? — спрашивает она, заглядывая мне в лицо.

— Нормально.

— Врешь.

— Вру, — тяжело вздыхаю.

Арину не обманешь. Она знает меня как облупленную. Шесть лет назад она была простой медсестрой-анестезистом, и мы часто работали в одной смене. С Князовым в том числе. Моя подруга застала тот период, когда мы с Димой надыхаться друг на друга не могли. Видела, как мы переглядываемся над операционным столом, как пьем в четыре утра кофе из одной кружки.

Помнит и время, когда я собирала себя по кусочкам. Была рядом, гладила по голове, вытирала слезы. Умудрялась находить слова, которые не дали мне тогда окончательно скатиться в депрессию.

— Он не имел права сюда возвращаться, — шипит Арина. — В конце концов, в стране кадровый дефицит. Почему именно сюда?

— Видимо, чтобы мне жизнь медом не казалась, — криво усмехаюсь. — Ничего, Ариш. Переживу. Я теперь ко всему привычная.

— Ковалева! — раздается за спиной знакомый бархатный баритон. — Зайдите ко мне, пожалуйста. Прямо сейчас.

Арина закатывает глаза, а я разворачиваюсь и обреченно шагаю в кабинет заведующего. Как на эшафот.

В начальственной обители все так же, как при Юрине. Те же шкафы с папками, тот же продавленный диван, на котором Виктор Степанович любил вздремнуть после обхода. Только пахнет теперь по-другому.

Антисептиком и кедром.

Этот запах я узнала бы из тысячи. Когда шесть лет назад я засыпала, уткнувшись носом в князевскую шею, он пах точно так же. Предательница-память услужливо подсовывает картинку из прошлого, и мне хочется треснуть себя по лбу.

Соберись, Лиза. У вас не вечер воспоминаний. Ты на работе, в конце концов.

Князев садится за стол и разворачивает ко мне монитор. На экране — график дежурств на месяц. Моя фамилия мелькает в нем через строчку, как узор на вязаном свитере.

— Это что? — спрашивает он ровным голосом.

— График, — пожимаю плечами. — Не понимаю, что там может быть непонятного.

— Это не график, Ковалева. Это попытка самоубийства.

Отводит взгляд и трет переносицу. Знакомый жест. Раньше он так делал, когда очень устал. Или когда злился.

— Пятнадцать дежурств за месяц, — продолжает он. — Что, так хреново с деньгами? Ты понимаешь, что качественно оказывать помощь с такой нагрузкой невозможно? Больнице это грозит врачебными ошибками и, как следствие, судебными разбирательствами. В общем, часть смен я снимаю. Хватит с тебя и десяти в месяц.

— Вы не имеете права!

— Имею, — спокойно отвечает он. — Я заведующий.

Нет, это просто цирк какой-то! Шесть лет от него ни слуху ни духу, а теперь заявляется как ни в чем не бывало и начинает распоряжаться моей жизнью.

Хотя нет. Жизнь один раз он мне уже испоганил. Видимо, это вторая попытка.

— Знаете что, Дмитрий Андреевич, — цежу сквозь зубы, — я уже давно работаю в таком режиме, и всех все устраивало. Не нужно с порога пытаться что-то менять. Радикальные перемены — это всегда неприятно.

Что-то мелькает в его глазах. Боль? Нет, показалось. Боль этот человек может только причинять. У самого шкура, как у слона. Так просто не пробьешь.

— Может быть, но я уже все решил, — отвечает он, глядя в монитор. — Можешь идти. Новый график вывешу на стене после обеда.

И я ухожу. Громко хлопнув дверью. Потому что если останусь с ним наедине еще хотя бы на минуту, или разревусь, или запущу в него степлером. Ни то ни другое ничего хорошего мне не сулит.

Вторничное дежурство начинается мирно. Даже слишком мирно для реанимации.

К десяти вечера успеваю обойти всех тяжелых, написать дневники и даже выпить чаю. Князев все еще в отделении. Сидит у себя, листает истории болезни. Свет из-под его двери падает на кафельную плитку узкой желтой полоской.

Обычно заведующие так поздно не задерживаются. Но этот, видимо, решил показать всем, какой он ответственный.

В половине двенадцатого вызывают в приемное.

— ДТП на трассе! Парень, двадцать два года, без сознания, давление не определяется! Дальше все происходит очень быстро.

Каталка влетает в противошоковую. Совсем мальчишка, бледный до синевы. Разбитый висок, неестественно вывернутая нога, живот вздувается на глазах. Внутреннее кровотечение. Пульс на сонной нитевидный, а потом и вовсе пропадает.

— Остановка! — кричит медсестра.

— Качаем! — команду я и начинаю компрессии.

И вдруг рядом оказывается он. Не говоря ни слова, берет ларингоскоп и интубирует с первой попытки. Я даже ахнуть не успеваю.

— Адреналин, — команду я медсестре.

— Готово, — отвечает он. — И кровь я заказал. Универсальную. Четыре дозы.

Работаем, как шесть лет назад. Понимаем друг друга без лишних слов, на уровне взглядов. Он ставит центральный катетер, я считаю циклы. Он смотрит на монитор, я — на него, и уже знаю, что он скажет. Синхронность действий вылезает откуда-то из подкорки.

Одна минута. Три. Шесть.

— Есть ритм! — выдыхает медсестра.

На мониторе появляется зубчатая кривая. Слабая, неровная, но все-таки она есть. Выдыхаю, выпрямляюсь, и спина отзывается тупой болью.

— Хирургов в операционную, — коротко командует Князев. — Повезем сами.

Через пятнадцать минут парня забирают на стол. На операцию идет другой анестезиолог, а я стою посреди противошоковой, вся в чужой крови, и смотрю, как Князев стягивает перчатки.

Как всегда, великолепен. Спокойный и точный, словно робот. Таким я его вспоминала. Таким когда-то любила.

А сейчас ненавижу себя за то, что при простом взгляде на эти руки у меня предательски замирает сердце.

Утро среды встречает пасмурным рассветом и стопкой бумаг на столе. Парень после операции жив, хирурги сделали невозможное. Осталось дописать протокол реанимационных мероприятий и отнести заведующему на подпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.